

НАТАЛЬЯ ПОВАЛЯЕВА

И здержки профессии,

или

*перемена
участа*

Викторианские народные сказки

Наталья Поваляева

**Издержки профессии,
или Перемена участи**

«Adventure Press»

2013

Поваляева Н.

Издергки профессии, или Перемена участи / Н. Поваляева —
«Adventure Press», 2013 — (Викторианские народные сказки)

Одна балерина засветила в глаз другой балерине. Она нечаянно. Вот вы не верите, а зря. А один писатель с голоду бросился писать порнографию, но вышла какая-то ерунда. А один строитель вообще ка-ак с лесов навернется! Страшно не везет некоторым. Но знаете, что? Когда у нас случается катастрофа, мы ругаем ее и проклинаем. И даже не подозреваем, что эта катастрофа, возможно, фантик, в который завернуто что-нибудь полезное. И если вы давно мечтаете, как бы изменить свою жизнь, не ругайте свою неприятность, а кричите: «Ура! Ура!». Потому что, вероятнее всего, это она: перемена участи.

Содержание

Усы	5
Джонни Макгилл в стране чудес	8
Кисть, перо и пуанты	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Наталья Поваляева

Издержки профессии, или Перемена Участи

Усы

Однажды у мистера Оливера Броуди, исполнявшего роль Второго Гостя в пьесе миссис Августы Смитсон «Венера с Портобелло-роуд», прямо на сцене отклеились усы.

«Ну и что? – скажете вы. – Подумаешь! В театре это обычное дело, там что ни вечер – то либо усы отклеятся, либо фестон оторвется, либо еще какой конфуз приключится. А в Опере, говорят, вообще был недавно скандальный случай: от золотой колесницы, в которой на сцену выезжала прима мисс Фелиция Тонбридж, отвалилось колесо, отчего все сооружение завалилось набок, отдавив ногу Третьему Пажу и распугав массовку. Прима же и вовсе заработала себе вывих левого лучезапястного сустава и новую фобию (вдобавок к восьми уже имевшимся). А вы говорите – усы отклеились!».

Однако случай с мистером Броуди особенный.

У Оливера Броуди были две причины для постоянного уныния: во-первых, главный режиссер театра «Котомка пилигрима» мистер Руперт Паттерсон-Уэст не давал ему главных ролей, а во-вторых, у Оливера Броуди не росли усы. А чтобы играть хотя бы второстепенные роли, усы нужны были непременно – такое было у мистера Паттерсона-Уэста видение второстепенных ролей. Он был режиссер-экспериментатор, этот Паттерсон-Уэст, и считал, что если ты играешь, скажем, Дворецкого, или Второго Гостя, или Случайного Попутчика, или другую какую малозначительную роль – изволь обзавестись усами, для эффектности образа. А главные роли, напротив, режиссер видел чаще всего в безусом исполнении, отчего с некоторыми актерами у него вышел непримиримый конфликт.

Оливер Броуди однажды решил было поговорить с режиссером напрямую – мол, раз вам на главные роли нужны безусые, а у меня усы как раз не растут, то отчего бы вам, вместо того, чтобы подвергать страданиям знайного усача мистера Филиппа Инглиша, не взять меня? Но режиссеры-экспериментаторы простыми путями не ходят, и потому мистер Оливер Броуди как пришел на прием к мистеру Паттерсону-Уэсту безусым исполнителем усатых второстепенных ролей, так в том же качестве и ушел.

В общем, мистеру Броуди постоянно приходилось наклеивать усы, а он это дело очень не любил. Потому что боялся, что однажды отклеятся эти усы прямо на сцене! И не зря боялся – гримерша, старая мисс Кинзли, пила горькую, воровала реквизит и разбавляла клей (а ворованные усы, бороды и парики вместе с «удержанным» kleem она относила старьевщикам на рынок в Спиталфилдс).

В общем, в тот роковой день, о котором мы рассказываем, страхи мистера Броуди осуществились. Правда, поначалу казалось, что пути к спасению еще не отрезаны. В тот самый момент, когда отклеившиеся усы, совершив непродолжительный полет, приземлились у штаб-леди Оливера Броуди, последний стоял к публике спиной. Так режиссер придумал – Второй Гость, обидевшись на реплику Первого Гостя, отворачивается спиной к публике и нервно теребит салфеточку на кофейном столике. Переживает. А Первый Гость тем временем окружает Венеру (ту, что с Портобелло-роуд) своим обаянием.

Ну, мистер Броуди (никогда еще спина обиженному Второго Гостя столь зримо и достоверно не передавала глубокие переживания героя!) так решил: сделаю вид, что Второй Гость

в расстроенных чувствах уронил запонку, наклонюсь, незаметно усы подберу и как-нибудь на место пристрою.

Но не тут-то было.

Первый Гость, гнида, каким-то чудом заметил аварию, случившуюся со Вторым Гостем, и ровно в ту секунду, когда Оливер Броуди наклонился за воображаемой запонкой, подошел и наступил прямо на усы! Тут надо сказать, что мистер Броуди с Первым Гостем – то есть, с мистером Лоуренсом Барретом – давно были на ножах из-за разногласий в трактовке пьес Ноэла Коуарда. Но чтобы так низко пасть!

Возмущение ослепило мистера Оливера Броуди, и он, забывшись, выкрикнул:

– Ах ты, гад! Отдай усы!!!

В зале воцарилась мертвая тишина. Второй Гость повернулся к зрителям лицом и, указывая рукой на Первого Гостя, выкрикнул вторично:

– Он на усы мои наступил! Я убью тебя, скотина!

Последняя реплика адресовалась уже не публике, а Первому Гостю. Сдернув с кофейного столика салфеточку (китайская вазочка с драконами при этом упала и разбилась вдребезги, вызвав овацию в первых рядах), Оливер Броуди смазал ею по лицу Лоуренса Баррета и объявил:

– Я вызываю тебя! Выбирай оружие!

Зал моментально оживился и стал принимать горячее участие в действии.

– Эй, безусый, вмажь ему в челюсть, чего тянуть волынку!

– Подсечку левой!

– Давайте на шпагах!

– Принесите мушкеты!

Актриса, играющая Венеру, обхватив голову руками, бросилась за кулисы, а вместо нее из кулис появился румяный бутафор, несущий две шпаги. Неловко всучив оружие дуэлянтам, он отвесил поклон публике и под бурные аплодисменты удалился (впоследствии выяснилось, что вынос шпаг был экспериментальным экспромтом мистера Паттерсона-Уэста, который следил за развитием конфликта из кулис).

Засим последовала дуэль. Оказалось, что Оливер Броуди – отличный фехтовальщик (не зря, не зря он потратил один фунт, пять шиллингов и четыре пенса на уроки мистера Карла фон Геймлица!), чего нельзя было сказать о мистере Лоуренсе Баррете. Вскоре вероломный Первый Гость был повержен, усы вызволены из-под гнета, а мистер Броуди сорвал самые громкие в своей жизни овации.

Но это еще не финал истории!

После того, как смолкли аплодисменты и разошлись последние зрители, а истыканного бутафорской шпагой Лоуренса Баррета увезли в лазарет, в гримерку к Оливеру Броуди зашел невысокого роста лысый человечек в сером костюме с белой гвоздикой в петлице. Человечек этот оказался продюсером самой крупной кинокомпании «Пикчерс», и выяснилось, что компания эта готовит съемки картины про знаменитого фехтовальщика месье Труаве из Лилля. И вот – поверите ли? – в компании в этой все никак не могли найти актера на главную роль. Слишком уж измельчало великое искусство фехтования нынче, молодые актеры совсем не умеют драться задорно, с выдумкой. «Вот как вы сегодня дрались!» – сказал человечек Оливеру Броуди и предложил ему главную роль в будущем фильме.

И с того дня жизнь Оливера Броуди переменилась. Он уволился из «Котомки паломника», блестяще снялся в роли месье Труаве из Лилля (что характерно – усы во время съемок ни разу не отклеились!), получил массу предложений на дальнейшие съемки, женился и купил себе «Маудслей».

А Лоуренса Баррета разжаловали в актеры второго плана, и теперь Второго Гостя в пьесе «Венера с Портобелло-роуд» играет именно он. Рассказывают, что уже трижды во время спек-

таклей у него отклеивались усы, и что якобы зрители перед началом представления заключают пари: отклеяется или не отклеяется на этот раз? Также поговаривают, что это – очередная экспериментальная находка режиссера: мол, он специально подговаривает миссис Кинзли время от времени разбавлять клей сильнее обычного, а та и рада стараться.

Ну, кто знает, кто знает...

Джонни Макгилл в стране чудес

Однажды Джонни Макгилл по прозвищу «Финнеган» свалился с лесов. Кто-то, возможно, скажет: «Экая невидаль! Подвыпивший строитель с лесов навернулся!» Действительно, о таком событии «Таймс» не сообщит на первой полосе, да и на последней – скорее всего, тоже.

А все же история Джонни Макгилла заслуживает внимания.

Джонни был, в общем-то, хороший малый – никто лучше него не замешивал раствор, никто не клал ровнее кирпич, а слышали бы вы, как он пел «Долг путь до Типперари!» Однако мало кто из знавших Джонни-Финнегана близко, мог похвастаться, что когда-либо видел его трезвым.

Утро Джонни начиналось с пинты темного, а ланч не мыслился без стакана джина. Завершив дневные труды, Джонни и его товарищи шли в паб «Рога и трилистник», где Джонни выпивал еще пива и еще джина, исполнял пару патриотических песен, после чего неизменно падал под стол. Иногда перед падением под стол Джонни принимал участие в общей потасовке, каковые в стенах «Рогов и трилистника» случались нередко и были чем-то вроде оздоровительной гимнастики для завсегдатаев заведения.

В тот день, о котором мы ведем повествование, Джонни работал на строительстве доходного дома по левой стороне Беркли-Роуд. Дело было после ланча, и в багаже Джонни была уже пинта темного и два стакана джина. Не бог весть какая нагрузка для человека с кличкой «Финнеган», скажете вы – но стояли жаркие августовские дни, послеполуденное солнце пекло немилосердно, и Джонни сморило. Нагнулся он за мастерком – да и завалился на бок, снес хлипкое ограждение и рухнул вниз.

– Финнеган, ты чего, черти меня раздери?! – услышал Джонни голос Патрика Конли по кличке «Рябой», а потом что-то твердое и холодное ударило его по голове, и свет погас…

…а потом снова включился.

Джонни сел, осторожно потрогал голову (вроде целая) и огляделся. Он сидел на полу комнаты, из которой во все стороны расходились длинные коридоры. Прямо напротив Джонни в стене была дверь, по обеим сторонам от которой висели фотографии. Очень много фотографий. Среди них Джонни признал Пата Конли (мелькнула мысль: «И чего это рожа Рябого тут висит?»), свою покойную бабушку Аделину (которая за всю жизнь ни разу не сфотографировалась) и хозяина булочной, что на углу Арлингтон-роуд и Миллер-стрит.

Вдруг дверь отворилась, и в комнату вбежал крохотный человечек с несоразмерно большой головой, на которую был надет коричневый блестящий цилиндр, расшитый золотой нитью и бисером. Человечек трижды обежал комнату по кругу и, пригласительно взмахнув правой рукой, бросился в один из коридоров. Джонни испытал некоторую досаду от того, что ему не дали досмотреть фотографии, но интуиция подсказывала, что пренебречь приглашением никак нельзя.

Он поднялся и бросился вслед за человечком, которого мысленно уже успел окрестить Головастиком. Головастик бежал весьма проворно, и поспевать за ним на первых порах было нелегко. К тому же коридор выделявал головокружительные повороты и причудливые петли. Однако Джонни заметил, что чем дальше он бежит, тем больше бег становится похож на полет. Достаточно было раз хорошенъко оттолкнуться ногами от пола – и ярдов двадцать-тридцать свободного полета обеспечены. А вскоре прикасаться к полу и вовсе стало не нужно – лишь время от времени Джонни отталкивался руками от стен, чтобы вписаться в очередной крутой поворот.

Гонка по коридору определенно понравилась Джонни-Финнегану, однако от постоянных поворотов слегка закружила голова. Внезапно коридор закончился, и Джонни на полной ско-

ности вылетел на широкую площадь, в центре которой стояла высокая колонна. Головастик, набирая высоту кругами, взлетел на самый верх колонны, встал на постамент и окаменел, при этом его цилиндр превратился в треуголку.

– Так это ж Трафальгарская площадь! – обрадовался Джонни. – Тут недалеко остановка омнибуса должна быть! Доеду до Беркли-Роуд.

И точно – была остановка. На ней стояли два слона на высоченных тонких, словно бы паучьих ножках. Раздался звук клаксона, и появился омнибус. Когда он подъехал к остановке, ноги у слонов сложились, как подзорные трубы, а сами слоны превратились в двух полноватых господ, одетых в одинаковые цилиндры и фрачные пары.

Вместе с бывшими слонами Джонни вошел в омнибус и сел у окна. За окном, однако, вместо городских улиц образовалась водная гладь. Джонни принял нервно грызть ноготь на большом пальце (плавать он не умел). Вскоре омнибус растворился в воздухе вместе со всеми пассажирами, и Джонни оказался один в объятьях волн. Но не успел Джонни начать тонуть, как слева от него выросла гигантская стена воды, впоследствии оказавшаяся огромной рыбиной. «Черти меня раздери!» – процитировал Джонни своего коллегу Пата Рябого, и моментально был проглощен морским чудищем.

– Вот и конец, – подумал Джонни, но ошибся.

Внутри чудища обнаружилась комната, обшитая дубовыми панелями и устланная ковром с длиннющим ворсом, в котором, словно в океанских глубинах, безвозвратно тонул всякий звук. Посреди комнаты стоял массивный стол с зажженной керосиновой лампой и письменным прибором, а у стола – стул с длинной зубчатой спинкой в средневековом стиле. В дальнем конце комнаты, за тяжелыми бархатными драпировками, угадывалась дверь. Как только Джонни ее приметил, дверь отворилась, и в комнату бесшумно вошел дрозд, одетый в цилиндр и строгий, нагло застегнутый сюртук. Подмышкой дрозд нес мелко исписанные листки писчей бумаги.

Подойдя к столу, дрозд отодвинул стул и сел. Достал из кармана сюртука пенсне, пристроил на клюв. Сверился с записями. Затем поднял глаза на топтавшегося возле стола Джонни и спросил:

– Джонни Макгилл, также известный как Финнеган?

– Да, – кротко ответил Джонни дрозду.

– Сколько миль до Типперари? – далее спросил дрозд, чем сперва поставил Джонни в тупик. Однако Джонни быстро совладал со смущением и ответил:

– Это смотря откуда считать, сэр. Если, скажем, от Килкенни идти, так выйдет недалеко, а если...

– Пьеши, Джонни? – перебил его дрозд.

Джонни от неожиданности аж задохнулся, а затем, разглядывая ворсинки на ковре, промямлил еле слышно:

– Ну, пью...

– Ты кончай это, Джонни Макгилл, а не то! – сказал дрозд, но не пояснил, что именно – «а не то». После чего подбросил в воздух свои бумаги, которые тут же превратились в белых мотыльков и скрылись где-то под потолком, встал из-за стола и потушил керосиновую лампу.

Настала тьма.

А потом включился свет.

– Гляди-ка, шевелится, – послышался голос Пата Рябого. – Черти меня раздери!

– Ишь ты, не убился! – выразил изумление Вуди Пруфрок.

– Чудеса, да и только, – вторил ему Билли Косой.

Джонни-Финнеган открыл сперва левый глаз, затем правый, осторожно огляделся по сторонам и сел. Он снова был на Беркли-Роуд, вокруг него валялись обломки лесов и перевернутая лохань с раствором («Неслабо же я летел!» – подумал Джонни), а трое закадычных друзей участливо склонились над ним.

– Кажись, неслабо я летел! – уже вслух произнес Джонни, к великой радости аудитории.

– Живой, паршивец! – сказал Вуди и хлопнул Джонни по плечу.

– Черти меня раздери, – добавил Пат.

Тут Джонни посмотрел на Пата, сощурив глаза, и вдруг сказал:

– Кстати, Пат, а где та конторка, что осталась тебе от бабки?

Патрик Рябой вытаращил глаза и даже забыл обратиться к чертам со своей традиционной просьбой.

– В ло... ломбарде, уж третья неделя пошла, как снесли, – пробормотал, наконец, он. – Бетси сказала – дома толку от ней все равно никакого, а если она вдруг старинная окажется, так может, удастся выручить гинею или даже две...

– Так беги скорей и выкупай назад! – вскричал Джонни, все еще сидя на мостовой. – В той конторке есть потайной ящичек, а в нем – семьдесят три золотых соверена!

– Черти меня... – промямлил Пат и сел на мостовую. – А ты как узнал?

– Да бабка твоя сказала, – отмахнулся Джонни и стал с кряхтением подниматься.

Вуди и Билли синхронно покрутили пальцем у виска, а Пат попытался слабо возразить в том смысле, что бабка его уж тридцать лет как покойница. Однако Джонни его не слушал – он был занят своим гардеробом. Брюки были очень уж нехороши – все в строительной пыли и щепках. Джонни потянул из кармана носовой платок, но вытащил не один, а целую гирлянду разноцветных платков, длиною никак не меньше пяти ярдов. Вуди и Билли бочком, как бы никуда не спеша, перешли на другую сторону Беркли-Роуд и там пропустили бегом, а Пат Рябой отправился прямиком в ломбард. Джонни же осмотрел полуразрушенные леса, покачал головой и пошел домой.

С того дня произошло несколько знаменательных событий. Патрик Рябой выкупил из ломбарда конторку, в которой, после нескольких часов поисков, был-таки обнаружен потайной ящичек, а в нем, как и обещал Джонни-Финнеган, лежали семьдесят три золотых соверена и серебряный наперсток времен королевы Анны. Пять соверенов Пат отдал Джонни, и последний распорядился деньгами так: два соверена положил в банк, еще два спрятал в носок – на черный день, а на пятый соверен купил себе твидовый костюм и разместил во всех газетах, включая «Таймс», объявление следующего содержания:

*Джон Финнеган Макгилл
Спиритические сеансы,
поиск пропавших вещей и домашних животных,
фокусы и волшебства.
Справиваться по адресу: Мейден-лейн, 18.*

Стоит ли добавлять, что с тех пор Джонни не брал в рот ни капли спиртного!

Кисть, перо и пуанты

Однажды танцовщица кордебалета Нора Лейн попала пуантом в глаз приме-балерине Констанции Вуллерби. «И что с того? – скажете вы. – В мире балета, где зависть и тщеславие пляшут нескончаемый танец не только за кулисами, но и на самой сцене, таким событием никого не удивишь!»

Однако же случай Норы Лейн отличается от множества схожих происшествий тем, что юная Нора *не хотела* попадать в глаз Констанции Вуллерби – ни пуантом, ни чем-либо еще. Честное слово! Вот вы не верите, а зря.

Дело было так. На вечерней репетиции в Ковент-Гардене «прогоняли» второй акт «Лебединого озера», и как-то сразу всё не задалось. Сначала долго не могли успокоить Зигфрида – мистера Персиавля Стоукса, в личную гримерку которого забыли принести букет фиалок, а без фиалок артист – по его собственным словам – никак не мог «настроиться на волну прекрасного». Затем мисс Вуллерби (еще без фингала под глазом) в кулуарной беседе с работницей пошивочной мастерской миссис Блайнд обозвала хореографа «мерзким стручком», а хореограф это услышал и парировал выпад примы, назвав ее, в свою очередь, «хромой цаплей», что повлекло за собой двадцатиминутную перепалку с попыткой (к счастью для всех, неудавшейся) рукоприкладства со стороны мисс Вуллерби. В довершение всего работник сцены Билли Пилфри, будучи в подпитии по случаю сердечной раны, упал в оркестровую яму и, хоть сам чудом не пострадал, нанес легкие повреждения мисс Диане Роуз и ее виолончели.

Когда же, наконец, всеобщими усилиями удалось успокоить безутешного мистера Стоукса, усмирить разбушевавшуюся мисс Вуллерби, умаслить обиженного хореографа и распустить колтун из сомневшегося Билли Пилфри, перепуганной мисс Дианы Роуз и ушибленной виолончели, случилось *это*. Прямо во время танца у мисс Норы Лейн развязалась ленточка, и левый пуант отправился в свободный полет. Всё произошло так стремительно, что поначалу никто не усмотрел связи между вскриком «Ой!» танцовщицы кордебалета и потоком ругательств, которыми внезапно разразилась мисс Вуллерби. Однако вскоре связь была установлена. Прима, левой рукой закрывая ушибленный глаз, а правой потрясая подобранным со сцены «снарядом», обещала собственноручно четвертовать ту, которая посмела совершить это коварное злодеяние. Внимательно оглядев уцелевшим глазом ноги танцовщиц кордебалета, мисс Вуллерби безошибочно определила виновницу и собралась тут же, на месте, привести свою угрозу в исполнение. Лишь слаженные действия всех участников постановки позволили не допустить кровопролития, и пока Зигфрид (впоследствии укушенный за запястье) с тремя танцовщиками кордебалета и хореографом удерживали жаждущую отмщения мисс Вуллерби, остальные уводили в безопасное место рыдающую Нору Лейн.

С этого момента жизнь Норы Лейн сделалась невыносимой.

Наутро после инцидента Нору вызвал директор труппы, внимательно и даже, казалось, сочувственно выслушал ее перемежающиеся всхлипами оправдания, но ясно дал понять, что от последствий сего прискорбного случая он ее оградить не сможет.

А последствия не заставили себя ждать.

Мисс Вуллерби, понятное дело, в театр не явилась, однако на своем столике в гримерке Нора обнаружила черную увядшую розу и уведомление от адвоката примы-балерины о том, что последняя подала на Нору иск в суд о злонамеренном членовредительстве. Коллеги, плохо скрывая ликование по поводу фингала под глазом всеми нелюбимой примы, всячески выказывали Норе поддержку, но от этой поддержки ей становилось только хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.